18+

Арина Лорель

Художник

Арина Лорель
Художник

https://litres.ru/74817832
ISBN 9785007159371

Аннотация

Нью-Йорк, 1950-е. Ник Кроу — тридцатичетырёхлетний художник, зарабатывающий на жизнь коммерческим пин-апом: «резиновыми грёзами» с идеальными блондинками и одинаковыми улыбками. Он живёт на чердаке, рисует то, что покупают, и давно не верит ни женщинам, ни вдохновению.

Всё меняется в один воскресный день на бруклинской свалке, где Ник встречает Рокси — механика с рыжим хвостом, веснушками и мазутом под ногтями.

Содержание

Художник 5
Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 18
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Художник

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0071-5937-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Художник

Глава 1

После грозы Нью-Йорк пахнет озоном — резким, чистым, июльским запахом, когда асфальт ещё парит, а небо только что затянуло разрыв, нанесённый молнией. На чердаке старого дома на Манхэттене воздух загустел от скипидара, горелого кофе из уличного автомата и дерева, которое помнило начало века.

Ник Кроу сидел перед пустым листом. Тридцать четыре года — возраст, когда мужчина уже умеет разбираться в женщинах и перестаёт верить хоть одной. На нём была рубашка с закатанными рукавами, левый манжет испачкан синей краской, и серые брюки, знавшие лучшие времена. Тёмные непослушные волосы падали на лоб — он машинально откидывал их, оставляя на виске синий мазок.

Чердак был одновременно его убежищем и его клеткой. Мольберт у окна ловил угасающий свет. На полу — стёртые ластики, десятки серых комочков, похожих на окурки. На стенах — эскизы: красотки в шляпках и подвязках, с томными улыбками. Классический пин-ап. «Резиновые грёзы», как называл их Голдстайн.

Но сегодня лист был пуст. Совершенно пуст. Ник держал

свой любимый карандаш №2 с обгрызенным концом и смотрел на белизну бумаги, как смотрят на туман с палубы. Он ждал. Линия ляжет, как шёлк на бедро, — мягко, неизбежно. Но пока была только пустота. И в ней звучало одно имя. Рокси.

Он отложил карандаш. Взял чашку с остывшим кофе. Сделал глоток — горько, холодно. Поморщился. Поставил чашку на подоконник, рядом с банкой скипидара. За окном город медленно зажигал огни. Жёлтые, красные, белые. Реклама «Кока-Колы» мигала на Таймс-сквер. Где-то далеко играл саксофон — грустно, протяжно, как будто плакал.

Ник подошёл к окну. Прижался лбом к холодному стеклу. Внизу прохожие спешили домой. Парочки под руку. Собаки на поводках. Жизнь.

Он вернулся к мольберту. Сел. Взял карандаш. И начал рисовать.

Линия легла сама — мягко, неизбежно. Как шёлк на бедро. Как дождь на асфальт. Как поцелуй в темноте.

Он рисовал Рокси. По памяти. Веснушки. Бровь. Улыбку. Глаза — серо-зелёные, с золотыми крапинами. Как река в полдень.

Час. Два. Свет за окном погас. Ник не заметил. Рисовал. Быстро. Нервно. Как будто от этого зависела чья-то жизнь.

Когда он закончил, было три часа ночи. Он смотрел на рисунок. На веснушки. На бровь. На улыбку. И понимал: это — начало. Начало чего-то, что он не мог назвать. Но чувствовал. Всем нутром. Всем сердцем.

Он отложил карандаш. Закрыл глаза. И впервые за много дней уснул — спокойно, без снов.

А началось всё за несколько месяцев до этого.

Глава 2

Воскресенье началось с кофе. Ник пил его в закусочной на углу, где официантка Мэй знала заказ наизусть — чёрный, без сахара, и пончик, который он не ел, но заказывал каждый раз. Пончик был ритуалом: лежал на тарелке под глазурью и напоминал о детстве, которого у Ника не случилось.

Мэй была женщиной лет пятидесяти, с седыми волосами, собранными в пучок, и усталыми глазами. Она работала здесь двадцать лет. Знала всех завсегдатаев. Знала их привычки, их истории, их одиночество.

— Опять не спишь, Ник? — спросила она, наливая кофе.

— Работал.

— Работал или думал?

— И то, и другое.

Мэй покачала головой. Поставила перед ним пончик. Свежий, с шоколадной глазурью.

— Ешь. Ты слишком худой.

— Я всегда худой.

— Вот именно. — Она отошла к другому посетителю.

Ник смотрел на пончик. Взял. Откусил. Сладко. Приторно. Он не любил сладкое. Но иногда — нужно. Как лекарство.

Допив кофе, он вышел на улицу. Воскресное утро. Солнце. Прохожие в лёгких платьях и рубашках. Дети с мороженым. Собаки. Жизнь.

Ник шёл к метро. Ему нужно было в Бруклин. На автосвалку. За журналами.

Метро — грохочущее, душное, забитое. Он стоял, держась за поручень. Смотрел на людей. Женщина с ребёнком. Старик с газетой. Девушка с наушниками — хотя наушников ещё не было, но она слушала что-то в своей голове.

Все куда-то ехали. Все что-то искали.

Ник вышел на нужной станции. Бруклин встретил его шумом, жарой и запахом жареной кукурузы. Он шёл по улицам, мимо старых домов, мимо магазинов, мимо баров. Вспоми-

нал.

Здесь он вырос. Здесь умерла мать. Здесь он начал рисовать.

Автосвалка в Бруклине развернулась на берегу Ист-Ривер — акры ржавого металла, разбитых машин и хромированных бамперов, некогда сверкавших на Пятой авеню. Ник приехал за винтажными журналами — он делал коллажи по ночам, когда не мог рисовать. Старик Сол, владелец свалки, держал в подсобке склад пожелтевших «Life», «Saturday Evening Post» и «Esquire», пропахших плесенью и прошлым веком.

Ник бродил между рядами мёртвых машин — «Форды» модели A, «Шевроле» с разбитыми стёклами, «Бьюики», возившие богачей на Лонг-Айленд. Солнце жгло, от металла шёл жар. Журналов сегодня не было, и Ник уже собирался уходить, когда заметил её.

Она сидела на капоте разбитого «Кадиллака» 1946 года. Машина когда-то была голубой — теперь краска облупилась до ржавчины. Но девушка была живой. Тёмно-синий комбинезон, перепачканный мазутом, висел на ней — рукава закатаны до локтей, открывая загорелые руки. Из-под комбинезона торчали кружевные носки с оборкой и стоптанные кеды.

Рыжевато-каштановые волосы стянуты в хвост, из которого выбивались пряди. Веснушки на носу. И огромное красное яблоко, которое она грызла с хрустом, листая «Капитан Америку».

Ник замер. Он смотрел на неё так, как смотрят на редкую птицу — боясь спугнуть. Она не поднимала глаз.

— Ты художник? — спросила она, не отрываясь от комикса.

Голос низкий, с хрипотцой, как у певицы после третьего сета в баре.

— Откуда знаешь?

Она улыбнулась, не поднимая головы, и откусила ещё кусок.

— Синяя краска у тебя на щеке.

Ник машинально потрогал щёку. Конечно. Краска была всегда — на щеке, воротнике, манжетах. Мыло не помогало, скипидар стал его парфюмом.

Девушка подняла глаза. Серо-зелёные, с золотыми крапи-

нами — как река в полдень. Разглядывала его, как механик разглядывает двигатель: что за модель, на что способна, стоит ли возиться.

— И смотришь так, — добавила она, — будто я — «Мона Лиза» с разводным ключом.

Ник рассмеялся. Впервые за много дней. Смех вырвался неожиданно, как чих.

— Я не рисую с гаечными ключами, — сказал он.

— Зря. Ключ — это характер. — Она отшвырнула огрызок и вытерла руки о комбинезон. — Рокси.

— Ник.

— Ник-художник. — Она соскользнула с капота, кеды шлёпнули по пыли. — Что делаешь здесь, Ник-художник? Металлолом собираешь?

— Журналы ищу. Старые.

— У Сола в подсобке. Пять баксов за штуку. Скряга.

— Знаю.

Она смотрела на него ещё секунду — долгую, как поцелуй в кино. Усмехнулась.

— Знаешь, что я думаю? Ты приехал не за журналами.

— А за чем?

— За вдохновением. — Она выплюнула это слово, как ругательство. — Все вы, художники, едете сюда за вдохновением. А увозите только ржавчину.

Ник посмотрел на неё. На веснушки. На кружевные носки. На мазут под ногтями.

— Уже не ржавчину, — сказал он.

Рокси фыркнула.

— Не льсти. Я не муза, я механик. — Она развернулась и пошла к мастерской — низкому железному строению, откуда тянуло сваркой. — Если журналы нужны, Сол в задней комнате. Скажи — от Рокси.

Она ушла. Ник стоял и смотрел вслед. Комбинезон обтягивал бёдра при каждом шаге. Кружевные носки. Кеды.

Хвост качался из стороны в сторону.

Он подумал: эта девчонка перевернёт его жизнь, как покрышку грузовика. Только он не знал, в какую сторону она покатится.

Ник нашёл Сола в задней комнате. Старик сидел за столом, заваленным журналами, и курил сигару. Пепел падал на бумаги.

— От Рокси, — сказал Ник.

Сол поднял глаза. Усмехнулся.

— А, рыжая. Хорошая девчонка. Чинит мои грузовики. Берёт дёшево. — Он выдвинул ящик. — Вот. Свежая партия. «Life» за пятьдесят второй. «Esquire» за пятьдесят пятый. Бери.

— Сколько?

— Пять баксов за штуку.

Ник посчитал в уме. Денег было мало. Он покачал головой.

— В другой раз.

Сол пожал плечами.

— Как хочешь. Но заходи на неделе. Может, ещё привезут.

Ник вышел. Солнце уже клонилось к закату. Он посмотрел в сторону мастерской. Свет горел. Слышался звон металла.

Он не пошёл туда. Пошёл к метро. Но всю дорогу домой думал о ней. О веснушках. О брови. О голосе с хрипотцой.

Он не спал. Лежал на узкой койке, смотрел в потолок. Трещина на штукатурке — тонкая, как линия карандаша. Вилась от угла к центру и терялась в тени. Ник следил за ней глазами, и трещина напоминала линию челюсти — не идеальную, с лёгкой асимметрией. Он повернулся на бок. Закрыл глаза. Пальцы чесались. Не от краски — от потребности рисовать. Он встал. Зажёг лампу. Взял блокнот — маленький, в кожаной обложке, потёртой до белизны на сгибах. Начал рисовать. Не с лица — с яблока. Круглое, с хвостиком, с бликом на боку. Потом — пальцы, обхватывающие его. Мазут под ногтями. Потом — комбинезон, провисший на бёдрах. Кружевные носки. Кеды. Хвост.

Лица не было. Он не помнил лица. Помнил — веснушки. Россыпь на носу. Но глаза? Серые? Зелёные? Не помнил. И это его убивало — он, художник, не помнил глаз. Он отложил блокнот. Лег. Не спал до утра.

Глава 3

В понедельник он работал — рисовал на заказ три плаката для магазина шин на Бродвее. Блондинка в купальнике, блондинка на капоте, блондинка с шиномонтажным ключом, как с винтовкой. Голливудская мечта. Он нарисовал их за четыре часа — руки помнили механику, мозг был где-то в Бруклине. На капоте блондинки он, не думая, нарисовал веснушки. Заметил. Стер. Нарисовал снова. Стер. Сдал работу. Получил десять баксов. Купил кофе и пончик — у Мэй.

— Худой, — сказала Мэй.

— Знаю.

Во вторник он рисовал обложку для любовного романа — «Пламя страсти». Он не читал. Ему объяснили: мужчина и женщина, объятие, закат, вулкан или хотя бы свеча. Он нарисовал закат — красный, как тушь, которую он не использовал. Мужчина — широкоплечий, с квадратной челюстью. Женщина — платиновая блондинка, с осиной талией, в платье, задутом ветром. На запястье — браслет. Он дорисовал. Потом стёр браслет. Потом — нарисовал мазут под ногтями. Стер. Потом — кружевные носки. Стер. Потом — бросил работу. Сидел. Смотрел. Потом нарисовал заново — без ма-

зута, без носков. Чистую блондинку. Сдал. Получил пятнадцать баксов.

В среду он поймал себя на том, что стоит у окна и смотрит на восток — в сторону Бруклина. Через крыши, через антенны, через голубей. Он не видел свалку. Но знал, что она там. И девушка — может, там. Может, нет. Он не пошёл. Не мог. Не потому что не хотел — а потому что боялся. Боялся, что её не будет. Боялся, что будет — и он не знает, что сказать. Художник, который не умеет говорить. Который умеет только рисовать. Что он скажет? «Я хочу нарисовать тебя»? Она скажет: «Я не муза, я механик». И будет права.

В четверг он не выдержал. Поехал. Свалка была та же — ржавчина, жар, запах бензина. «Кадиллак» стоял на том же месте. Капот пуст. Яблок не было. Комиксов не было. Рокси не было.

Он нашёл Сола.

— Девчонка? — Сол затянулся сигарой. — Рокси? Не знаю. Приходит, уходит. То есть, то нет. Сегодня нет. Завтра — может. Она как ветер. Не поймаешь.

Ник кивнул. Вышел. Постоял у «Кадиллака». Положил ладонь на капот — металл был горячий, шершавый от ржавчи-

ны. Он подумал: она сидела здесь. Это место помнит её вес.

В пятницу он не поехал. В субботу — не поехал. В воскресенье — не поехал. В понедельник — не поехал. Во вторник она пришла сама.

Она появилась через три дня. Ник не ждал — он вообще никого не ждал, — но когда раздался стук, почему-то сразу понял, кто. Открыл. Рокси стояла на пороге в том же комбинезоне, но без мазута — только пятно на колене. В руках — бумажный пакет.

— Журналы принесла. Сол отдал за долг. Он мне должен за ремонт грузовика.

Ник отступил. Она вошла — и комната сразу стала теснее. Не потому, что Рокси была крупной — она была невысокой, — а потому что заполнила собой всё: как свет, как запах, как звук.

Кожаную куртку, потёртую, с чужого плеча, она бросила на стул. Под ней — мужская клетчатая рубашка, завязанная узлом на талии. Осмотрелась. Эскизы. Мольберт. Ластики. Скипидар.

— Уютненько, — сказала она. — Как в консервной банке.

— Это чердак.

— Вижу. — Она подошла к стене с работами. Платиновые блондинки с осиными талиями, в шляпках, с подвязками и одинаковыми томными улыбками. Все глядели на зрителя — зазывно, обещающе. — Все улыбаются одинаково, — сказала Рокси, наклонив голову. — Как будто им щекотно.

Ник подошёл, встал рядом. Смотрел на свои работы её глазами — и видел то, что раньше не замечал. Маски. Куклы. Формы без жизни.

— А где характер? — обернулась Рокси.

Она спрашивала серьёзно, без насмешки. Как будто действительно хотела знать.

— Характер — это не то, что покупают, — сказал Ник.

— А что покупают?

— Форму. Грудь. Ноги. Улыбку.

— Улыбку можно купить?

— Можно. За пять баксов. На обложке.

Рокси усмехнулась. Провела пальцем по ближайшему эскизу — блондинка с виноградом, почему-то виноградом, хотя Голдстайн просил вишню.

— Она мёртвая, — сказала Рокси.

— Это рисунок.

— Рисунок — не мёртвый. Рисунок — живой. Если художник живой. А эта… — Она ткнула пальцем в блондинку. — Эта нарисована мёртвым. Ты был мёртвый, когда рисовал?

Ник молчал. Ответил не сразу.

— Не знаю, — сказал он. — Может быть.

— Ну вот. — Она повернулась. — Оживи. Или брось.

Ник молча подошёл к мольберту. Снял старый эскиз — платиновая блондинка в пеньюаре. Смял. Бросил в корзину. Взял чистый лист. Карандаш №2.

— Сядь.

Рокси села верхом на стул, облокотившись на спинку. Подбородок на ладонях.

— Что делать?

— Ничего. Просто будь.

— Это самое трудное, — сказала она. — Просто быть.

Но она замерла. И Ник начал рисовать.

Раньше это давалось легко. Грудь — линия, талия — линия, бедро — линия. Миндалевидные глаза, губы бантиком, волосы волной. Пин-ап за двадцать минут. Работа. Резиновые грёзы.

Сейчас рука не слушалась.

Он начал с веснушек. Маленькие точки на носу — россыпью, как звёзды на дешёвом глобусе. Потом линия челюсти — не идеальная, с лёгкой асимметрией. Бровь — дерзкий изгиб. Глаза — серо-зелёные, с искрами. Он не знал, как рисовать такие глаза. Он никогда таких не видел.

Минуты шли. Ник забыл о времени. Он видел только бу-

магу — белую, чистую, ждущую. И на ней — проступала Рокси. Не та, что сидела на стуле, а другая — та, которую он не знал. Спрятанная. Настоящая. Которая пряталась за хрипотцой и насмешкой.

Линия плеча — острая, как лезвие. Шея — длинная, тонкая, с ямкой у ключицы. Волосы — не хвост, а распущенные, которых он не видел, но угадал. Он нарисовал их так, как будто ветер — внутри комнаты. Они летели — от лица, от плеч, от жизни.

Час. Два. Рокси не двигалась — только моргала. Свет за окном менялся — золотой, розовый, серый. Она не спрашивала, скоро ли. Не жаловалась. Просто была.

Он стер трижды. Начинал заново. Каждый раз — лучше. Точнее. Он чувствовал: приближается. К чему-то. К линии, которая всё решит. К повороту головы. К углу рта. К тени под скулой, которая делает лицо живым.

Когда он закончил, стемнело. Он щёлкнул выключателем старой лампы с зелёным абажуром и развернул мольберт.

Рокси встала. Подошла. Посмотрела.

На листе была она. Не пин-ап красотка. Не кукла. Девчон-

ка с веснушками. С дерзкой бровью. С насмешливой улыбкой. С характером. И ещё — с чем-то, чего он не собирался рисовать: с болью. Еле заметной, в уголке губ. В тени под глазами. В линиях пальцев, сжавших подлокотник.

Она молчала долго. Потом:

— Похожа.

— Это ты.

— Знаю. — Она взглянула на него. — Ты первый, кто нарисовал меня настоящую.

Ник не нашёл, что ответить. Впервые за десять лет он не знал, что появится на бумаге через минуту. Рука больше не тряслась — но что-то внутри тряслось. Что-то, что он считал давно мёртвым.

Рокси улыбнулась — без иронии, просто.

— Чай есть?

— Только кофе.

— Тогда кофе.

Она засиделась до полуночи. Пили кофе из щербатых чашек. Она рассказывала про двигатели, которые чинила, про Париж, куда мечтала поехать, про отца, ушедшего из семьи, когда ей было десять. Ник не рисовал. Слушал.

— Знаешь, почему я стала механиком? — спросила она.

— Почему?

— Потому что машины не уходят. — Она смотрела в чашку. — Ты чинишь их, и они работают. Пока не сломаются. А люди… люди уходят. Просто так. Без причины.

Ник молчал. Он знал, о чём она. Его мать тоже ушла. Просто так. Без причины.

— А отец? — спросил Ник.

— Что отец?

— Он ушёл. Куда?

— Не знаю. — Рокси пожала плечами. — Ушёл. Сказал, что за сигаретами. Не вернулся. Мне было десять. Мать работала на двух работах. Я чинила велосипед соседским маль-

чишкам. Потом — мопеды. Потом — машины. Это… логично. Всё логично. — Она помолчала. — Он прислал открытку. Через год. Из Лас-Вегаса. «Дорогая Рокси, папа тебя любит. Будь хорошей девочкой». Без обратного адреса. Я хранила её. Потом потеряла. Или выбросила. Не помню.

Ник смотрел на неё. Она говорила ровно, без надрыва. Как будто чужую историю. Но пальцы сжимали чашку — белые костяшки.

— А ты? — спросила она. — Почему стал художником?

— Потому что не умею ничего другого.

— Врёшь.

— Не вру.

— Врёшь. — Она посмотрела на него. — Ты стал художником, потому что хочешь остановить время. Запечатлеть момент. Чтобы он не ушёл. Как машины. Как люди.

Ник замер. Она была права. Абсолютно права. Он никогда никому этого не говорил. Даже себе.

— Откуда ты знаешь?

— Вижу. — Она улыбнулась. — Я же механик. Вижу, как всё работает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.